

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 40.
2. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 61.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 29.
4. Анучин Д. Н. Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк. Труды V Тифлисского археологического съезда. (Отдельный оттиск). М., 1887, с. 43.
5. Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в.—Сибирский археологический сборник, вып. 2. Новосибирск, 1966, с. 277.
6. Андреева Ж. В. Древнее Приморье. М., 1970, с. 106.
7. Семениченко Л. Е. Характеристика наконечников стрел Приморья в VIII—Х вв.—Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976, с. 103.
8. Галактионов О. С. Отчет об археологической разведке в Приморье в 1972 г. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 14, с. 11.
9. Болдин В. И., Семениченко Л. Е. Об археологических исследованиях на городище Николаевка-II в Приморском крае в 1975 г.—Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 51, рис. 56(3).
10. Шавкунов Э. В., Леньков В. Д., Галактионов О. С. Археологические исследования на территории Приморского и Хабаровского краев в 1969 г.—Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 1, оп. 6, № 131, рис. 24.
11. Медведев В. Е. Материалы раскопок у с. Надеждинского.—Сибирь. Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975, с. 130.
12. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, с. 191; Адлер Б. Ф. Луки и стрелы северной Азии.—Русский антропологический журнал, 1903, т. 15—16, № 3—4, с. 184.
13. Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 75.
14. Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975, с. 146.
15. Семениченко Л. Е. Указ. соч., с. 106.
16. Медведев В. Е. Материалы раскопок могильника..., с. 135.
17. Чифэнсянь Даницзы Ляо-му фацзюэ баогао (Отчет о раскопках Ляоской могилы в Даницзы уезда Чифэн).—Каогу сюебао, 1956, № 3—4, с. 21, рис. 14.
18. Медведев В. Е. Культура амурских чжурчжэней. Новосибирск, 1977, с. 135.
19. Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 78.
20. Болдин В. И., Семениченко Л. Е. Об археологических исследованиях на городище Николаевка-II в Приморском крае в 1975 г.—Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 51, рис. 56(3); Болдин В. И., Семениченко Л. Е. Исследования на городище Николаевка-II в Приморье.—Археологические открытия 1976 г. М., 1977, с. 193.
21. Медведев В. Е. Культура амурских чжурчжэней..., с. 135, табл. 44(18, 19).
22. Васильев Ю. М., Васильева Т. А. Отчет об археологических исследованиях на могильнике Луданикова сопка в Хабаровском крае в 1974 г.—Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 32, с. 25, рис. 76б.
23. Семениченко Л. Е., Шавкунов Э. В. Об археологических исследованиях на Крупной сопке в 1971 г.—Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 3, с. 134, рис. 6(3).
24. Деревянко Е. И. Указ. соч., с. 146.
25. Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958, рис. XVIII, 1, 2.
26. Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 50.
27. Шавкунов Э. В., Васильев Ю. М. Археологические исследования на могильнике Луданикова сопка в 1972 г.—Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 11, с. 138—139.
28. Кюнер Н. В. Указ. соч., с. 38.
29. История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 г. Переведена с маньчжурского Г. Розовым.—Архив востоковедов ЛО Ин-та востоковедения АН СССР, разряд 1, оп. 1, д. 3, с. 356.
30. Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 40.
31. История дома Цзинь..., с. 30а.

УДК 930.26(571.63) (045)

СЕРЕБРЯНАЯ ВЕРИТЕЛЬНАЯ ПЛАСТИНА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ С ШАЙГИНСКОГО ГОРОДИЩА

Э. В. Шавкунов, А. М. Певнов, А. Л. Ильин

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока,
Владивосток

В 1976 г. во время раскопок на Шайгинском городище, являющемся уникальным памятником культуры чжурчжэней второй половины XII—начала XIII в. на территории Приморского края, в жилище № 155 была обнаружена серебряная пластина продолговато-ovalной формы толщиной 0,3 см, шириной 6,5 см и длиной 22,2 см [1]. Вес ее составляет чуть более 384 г. В верхней части пластины имеется круглое отверстие диаметром 1,2 см, края которого с обеих сторон окантованы полым внутри валиком (см. рисунок).

Одна из сторон пластины — совершенно гладкая, на другой имеется вертикальная надпись, знаки которой выполнены с помощью чеканки в виде двойной пунктирной линии. Заключенное внутри пунктирных линий пространство покрыто тонким слоем позолоты. Всего в надписи содержится шесть знаков «большого чжурчжэньского письма». Первый знак расположен непосредственно под отверстием и, судя по всему, представляет собой скорописный вариант написания чжурчжэньского знака «мингань», т. е. «тысяча». Остальные пять знаков имеются в опубликованном в конце XIX столетия В. Грубе чжурчжэньском словаре [2]. Эта уникальная работа дает звучание и значение довольно большого количества чжурчжэньских слов. Необходимо, однако, учитывать весьма существенную фонетическую деформацию, которой подвергаются иноязычные слова при транскрибировании их средствами китайского языка, имеющего исключительно своеобразный звуковой облик и в высшей степени жесткие правила сочетания фонем. Не следует забывать также и о том, что толкование значений в словаре чрезвычайно лапидарно и отражает лишь в общих чертах семантический потенциал чжурчжэньских слов. Учитывая все это, мы должны с большой осторожностью подходить к транскрипции и толкованиям словаря и использовать их только как материал для восстановления истинного звучания и значения. Вторым необходимым источником для реконструкции служит маньчжурский язык, судя по всему, довольно близкий чжурчжэньскому [3] и являющийся, пожалуй, его прямым наследником. Можно даже сказать, что чжурчжэньский язык есть маньчжурский на более ранней стадии его развития.

Опуская в данной статье всю лингвистическую аргументацию, мы приведем только исходный материал для реконструкции чтения и смысла надписи: 1) китайская иероглифическая транскрипция интересующих нас чжурчжэньских знаков по словарю В. Грубе в русской традиционной огласовке выглядит следующим образом: **го-лунь ни-та-да-вэнь**. Значение слов по тому же самому словарю: **го-лунь** — государство, **ни** — формант родительного падежа, **ха-да-вэнь** — честный, истинный. Маньчжурский фонетический эквивалент чжурчжэнь-

ской надписи по словарю И. Захарова [4] — гуруни **акдунь**; семантика этих маньчжурских слов: **гуруни** — государства (гуруни — форма родительного падежа слова **гурунь**), **акдунь** — верный, надежный, твердый в слове, т. е. честный. Но это же слово имеет и другое значение, которое, собственно говоря, и служит ключом к подлинному смыслу надписи — «доверенность, свидетельство, поручительство».

Исходя из этих данных и применения чисто лингвистическую методику, надпись на шайгинской бирке удалось прочитать как **гурунни хагда ун**, причем ее перевод — «государственное свидетельство, поручительство, доверенность, удостоверение» — в точности соответствует тому назначению, которое имела данная бирка — документ, удостоверяющий личность, действующую от имени государя, **государства**. В целом же, если предположение относительно природы первого знака является верным, весь текст надписи можно перевести следующим образом: «Тысяча. Государственное свидетельство (удостоверение)».

Обращает на себя внимание необычность компоновки знаков текста. Во всех известных до этого чжурчжэньских текстах, написанных «большим письмом», знаки, как правило, расположены последовательно один под другим наподобие китайских иероглифов. Здесь же, хотя текст и написан вертикальной строкой, те знаки, которые представляют собой лишь силлабы, скомпонованы в группу-слово, например: **гур+ун**, **хагда+ун**. Это, несомненно, является более прогрессивной формой письма, поскольку она позволяет читателю избежать ошибок при чтении текста, давая ему возможность сразу определить, какие знаки относятся к одному слову, а какие — к другому. В связи со сказанным интересно будет отметить также, что знак **ни**, являющийся формантом родительного падежа в слове **гурун**, написан отдельно от последнего. Данное обстоятельство указывает, очевидно, на то, что чжурчжэни в XII в. понимали показатели падежей как вполне самостоятельные слова.

Внешне серебряная пластина с Шайгинского городища очень напоминает монгольские серебряные бирки, или ярлыки, более известные в научной литературе под китайским названием **пайцза** и в меньшей степени под древнерусским словом **дшицца**, что, собственно говоря, является дословным переводом китайского слова **пайцза**.

Серебряная верительная пластина чжурчжэней

Всего на территории СССР к настоящему времени обнаружено семь монгольских серебряных пайцз [5]. Шайгинская же находка является первой ставшей известной науке чжурчжэньской серебряной пайцзой, которая, вне всякого сомнения, послужит определенным импульсом в деле изучения системы «верительных бирок» у народов Восточной Азии.

Сейчас, конечно, трудно сказать, когда и где впервые появляются «верительные бирки», с помощью которых можно было идентифицировать наделенные особыми полномочиями личности. Во всяком случае, известно, что подобного рода бирки имели широкое распространение уже в чжоуском Китае (XII—III вв. до н. э.) [6]. С глубокой древности были они известны и монголоязычным ухуаням: «Если ставший деревянный жеребец (бирка), и хотя букв на нем нет, никто в рейшине нужно призвать кого, то для верности употребляет вырезанную бирку, ибо она не смеет ослушаться» [7].

Первоначально в древнем Китае в употреблении находились вырезанные из бамбука и дерева и расколотые на две половинки бирки фу и бирки цзе. Бирки цзе чаще всего представляли собой изображения фигурок тигра или рыбы, реже — человека или дракона. Впоследствии эти бирки стали отливать из бронзы или иного металла, и они вскоре полностью вытеснили из обихода бирки фу, от которых сохранился лишь сам термин, ставший синонимом термина цзе. Система использования бирок цзе заключалась в том, что одна из ее половинок выдавалась назначаемым на периферию начальникам, а другая оставалась в императорской казне. В случае необходимости передачи особо секретного приказа периферийному начальству правительство снаряжало к нему посыльного, которому выдавалась другая половина бирки цзе. Когда правительственный посыльный достигал места назначения, он должен был предъявить свою половину бирки, и если она полностью совмещалась с половинкой периферийного начальства, это означало, что стороны вполне могут доверять друг другу. Точно таким же образом применялись и вырезанные из дерева или бамбука, а затем расколотые на две продольные половинки бирки фу. Порой в качестве верительных бирок использовались разбитые на две части какие-нибудь изделия, например бронзовые зеркала.

Система фу-цзе была рассчитана в основном на разовую встречу между двумя определенными лицами. Но иногда возникала необходимость встречи одного лица со многими. Поэтому уже при династии Тан (VII—X вв.) в Китае были введены в употребление серебряные пайцзы [8] в виде различной формы пластин, или дощечек с выгравированным на них верительным текстом. Вероятнее всего, система верительных пайцзы была заимствована танским Китаем у соседних тюрко- и монголоязычных народов, у которых она могла иметь распространение по крайней мере со времен ухуаней, если не раньше.

Сходная с ухуанской система верительных пайцзы существовала и у чжурчжэней. У них, как об этом сообщают письменные источники [9], первоначально каждый предводитель племени выдавал своим горцам вырезанные из дерева верительные дощечки (**синьпай**). Но уже при Ингэ (1094—1105 гг.) было издано распоряжение, в соответствии с которым право выдачи верительных дощечек стало прерогативой только центральных органов власти. Начиная с 9-го месяца 1116 г., у чжурчжэней при императоре Агуде был наложен выпуск золотых верительных пластин (пайцзы), а чуть позже — серебряных и деревян-

ных. Золотые пластины выдавались десятитысячникам, серебряные — тысячиникам, а деревянные — низшим военным чинам, в частности, **моукэ и пунянь**. Как это яствует из текста «Цзиньши», в начальный период истории чжурчжэнского государства эти пластины являлись своего рода мандатом на командирскую должность, на которую назначались в качестве награды за особые заслуги лица простого происхождения. «Так было до того времени, пока в 3-м месяце 1145 г. не были выпущены новые серебряные и золотые пластины». К сожалению, в источнике нет никаких сведений о том, чем была вызвана необходимость нового выпуска пластин и повлекло ли это за собой какие-нибудь изменения в системе их использования.

В 1189 г. при императоре Улу был осуществлен выпуск табличек из лака нескольких типов. Один из этих типов табличек был изготовлен из зеленого лака и имел надпись красного цвета: «Шанишу шэн» (Государственный Совет). Таблички этого типа выдавались посыльным Государственного Совета. Другой тип табличек был изготовлен из красного лака и имел золотую надпись. Эти таблички выдавались посыльным с правительстенными декретами (Высочайшими повелениями), а также посыльным Правого и Левого ведомств (сы). Кроме того, были еще три типа табличек. Источник не сообщает, какого они были цвета, однако указывает, что таблички с надписью «хэди» (посылаемый через правительенную почту) выдавались посыльным министерств. Им при предъявлении табличек меняли лошадей, благодаря чему в день они могли преодолеть расстояние в 250 ли (144 км). По такому же принципу использовались и таблички с надписью «тайбу» (Высочайшее министерство) и «бэфэншэнчи» (Особо полученное священное указание).

Интересно отметить, что автор «Цзиньши» ни словом не обмолвился о характере надписей или содержании текстов на серебряных и золотых пластинах. Это, скорее всего, следует объяснить тем, что надписи на пластинах в основном были сделаны знаками неизвестной автору «Цзиньши» киданьской и чжурчжэнской письменности. А о том, что надписи на пластинах делались именно на этих языках, свидетельствуют как находка шайгинской серебряной пластины, так в какой-то мере и сообщение «Цзиньши» о том, что в 9-м месяце 1138 г. чжурчжэнский император Хэла издал указ, в соответствии с которым лица чжурчжэнского, киданьского и китайского происхождения при назначении на должность получали соответствующие грамоты, написанные на их национальных языках [10]. А поскольку основная масса военачальников у чжурчжэней назначалась либо из собственно чжурчжэней, либо из бывших киданьских полководцев, то, надо полагать, подавляющее большинство грамот, а по аналогии с ними и верительных пластин, имели надписи на чжурчжэнском и киданьском языках. Надписи на киданьском языке имели, по всей вероятности, и пластины выпуска 1116 г., так как к этому времени у чжурчжэней еще не было собственной письменности и они вынуждены были пользоваться киданьской.

Что касается датировки серебряной пластины с Шайгинского городища, то она, вне всякого сомнения, была изготовлена в 1145 г. В пользу такой датировки говорит то обстоятельство, что на золотых и серебряных пластинах первого выпуска (1116 г.) не могло быть текста на чжурчжэнском языке, так как «большая чжурчжэнская письменность» была изобретена только в 1119 г., а «малая» — в 1138 г.

Следовательно, тексты на чжурчжэнском языке могли иметь золотые и серебряные пластины лишь второго и последнего выпуска, т. е. 1145 г.

В целом же данные письменных источников и анализа шайгин-чжурчжэней по крайней мере двух основных видов верительных бирок. К первому из них принадлежат золотые, серебряные и деревянные пластины-дощечки, выдаваемые военачальником в качестве ярлыка, лежат лаковые таблички, выдававшиеся правильственным посыльным в качестве особого рода верительных бирок, при предъявлении которых местные власти должны были оказывать всяческое содействие их владельцам. Следовательно, лаковые таблички чжурчжэней по своему назначению ничем не отличались от хорошо известных киданьских, тангутских [11] и монгольских [12] пайцз. Что же касается золотых, серебряных и деревянных пластин-дощечек чжурчжэней, то они, как это было показано выше, имели несколько иное назначение, что, по всей вероятности, является исключительно чжурчжэнским изобретением.

В заключение необходимо отметить, что у чжурчжэней серебряные верительные пластины выдавались лицам, под началом которых находилась тысяча хозяйственных дворов. Следовательно, население Шайгинского городища, на территории которого найдена одна из таких пластин, должно было составлять по крайней мере не менее тысячи дворов или несколько тысяч душ. Иначе говоря, это был большой и многолюдный для своего времени город.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шавкунов Э. В. Работа Шайгинского отряда.— Археологические открытия 1976 г. М., «Наука», 1977, с. 253.
2. Grube W. Die Sprache und Schrift der Jucen. Leipzig, 1896.
3. Шавкунов Э. В. О некоторых итогах предварительного анализа текстов чжурчжэнских письменных памятников XV столетия.— Изв. СО АН ССР. Серия общественных наук, вып. 1. 1968, № 1, с. 79—80.
4. Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
5. Мальм В. А. Пайцза из Симферопольского клада.— Средневековая Русь. М., «Наука», 1976, с. 71—74.
6. Кычанов Е. И. Тангутские пайцзы.— Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, «Наука», 1974, с. 266.
7. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М., 1960, с. 142—143.
8. Кычанов Е. И. Указ. соч., с. 266.
9. Цзиньши (История царства Цзинь). Тайбэй, 1970, т. I, цз. 58, чжи 39 (байчунь 4), с. 433.
10. Цзиньши, т. I, цз. 4, бэцзи 4, с. 25(3).
11. Кычанов Е. И. Указ. соч., с. 266—270.
12. Мальм В. А. Указ. соч., с. 71—74.